

В ПОИСКАХ ЛУЧШЕЙ ДОЛИ

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX в.

Коллектив авторов

**В поисках лучшей доли.
Российская эмиграция в странах
Центральной и Юго-Восточной
Европы. Вторая половина
XIX – первая половина XX в.**

«Индрик»

2009

ББК 63.3(0)5-6

Коллектив авторов

В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Вторая половина XIX – первая половина XX в. / Коллектив авторов — «Индрик», 2009

ISBN 978-5-91674-040-0

Совместная работа специалистов по истории различных государств Восточной Европы позволила выявить особенности процессов адаптации и сохранения национальной идентичности эмигрантов из России в отдельных странах региона в период глубоких социальных и политических трансформаций. Авторы попытались создать обширную картину их жизни и деятельности (быт, культура, церковь, занятость, образование, взаимоотношения с властью, коренным населением, вклад в культуру стран пребывания). На солидной документальной базе рассмотрены сложнейшие проблемы рассеяния русских эмигрантов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, освещены и проанализированы далеко не однозначные вопросы восприятия эмигрантов коренным населением, особенности складывания национальных диаспор и причины отъезда эмигрантов в другие страны.

ББК 63.3(0)5-6

ISBN 978-5-91674-040-0

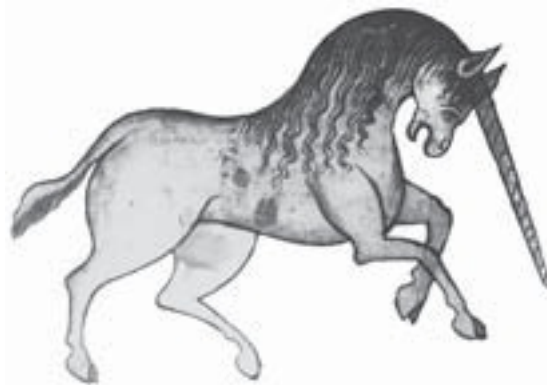
© Коллектив авторов, 2009

© Индрик, 2009

Содержание

Предисловие	6
Югославия	9
Русская эмиграция в Югославии	9
Конец ознакомительного фрагмента.	23

В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – первая половина XX в.)

Работа опубликована при поддержке Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

Редколлегия

к. и.н. Т.А. Покивайлова (ответственный редактор)

д. и.н. В.И. Косик,

к. и. н. А.С. Стыкалин

М.И. Леньшина (ответственный секретарь)

Рецензенты

к. и.н. А.В. Карасев

к. и.н., доцент А.В. Попов

Предисловие

*Наш дом на чужбине случайно,
Где мирен изгнанника сон,
Как ветром, как морем, как тайной,
Россией всегда окружен*

В. Набоков

Во второй половине XIX – первой половине XX в. в истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы открылась новая страница, связанная с присутствием в них русских эмигрантов. Если во второй половине XIX в. русская эмиграция не имела массового характера и носила политический характер, то в начале XX в. начавшаяся мировая война и последовавшие за ней революции, прежде всего в Российской империи, и гражданская война привели к исходу в государства Центральной и Юго-Восточной Европы больших групп населения, одетого как в военную шинель, так и в гражданское платье.

Исследуемая тема раскрывается на широком временном поле и на объемном разноконфессиональном пространстве – от православной Болгарии до католической Польши. Выявляются особенности положения эмиграции в странах с различным государственным устройством – от монархической Югославии до республиканской Чехословакии, на фоне далеко не благожелательного отношения властей к русской эмиграции в ряде стран, прежде всего в Румынии и Польше.

До настоящего времени отдельные ее сюжеты не раз становились предметом исследования в работах российских и зарубежных исследователей, однако в целом эмигрантская тематика в указанном регионе представляет до сих пор обширное поле деятельности для исследователей.

В то же время наблюдается явная диспропорция в сфере изучения этого феномена. При наличии ряда опубликованных материалов по Чехословакии и Югославии почти полностью отсутствуют работы по российской эмиграции в Венгрии, Польше и Румынии.

Ко многому, что написано здесь, можно добавить слово «впервые». Разумеется, авторы, где возможно, опираются на труды своих коллег, в том числе и зарубежных, внесших весомый вклад в изучение российской эмиграции в своих странах, прежде всего болгарских, сербских, чешских и словацких историков.

Совместная работа исследовательского коллектива, сформированного из специалистов по истории стран Юго-восточного региона, включающего в свои границы Албанию, Болгарию, Румынию, Югославию, и Центрально-европейского, охватившего Венгрию, Польшу, Чехословакию, предоставила возможность создать комплексный труд, в котором исследуются сложные разнонаправленные и разновременные процессы в среде русской эмиграции, нарисовать обширную картину их жизнедеятельности (быт, культура, занятость, просвещение, взаимоотношения с властью на местах и коренным населением, вклад в культуру).

В процессе разработки был выявлен ряд интересных документов в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), а также Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Архива внешней политики Российской Федерации (АВР РФ), в собрании трофейных документов Российского государственного военного архива (РГВА), в государственных архивах Венгрии, Румынии, Словении, а также проведена обработка полученных материалов из Сербии и Болгарии. Новые материалы позволили значи-

тельно обогатить картину русского присутствия в указанном регион, отличающегося разнообразием исторических традиций.

Большое внимание уделено освещению сложнейших проблем адаптации постреволюционной эмиграции, большая часть которой стремилась сохранить свою национальную идентичность.

Во взаимосвязи с этими процессами изучались сюжеты, связанные с проблематикой сохранения национальной идентичности (русского языка и литературы, образования на родном языке, православной веры, национальной культуры и сбережения национальных ценностей).

С выполнением этой задачи была связана и деятельность по изданию русской литературы, прежде всего классической. Той же цели была подчинена работа различных органов прессы, например, белградского «Нового времени». Только в балканском регионе на русском языке было опубликовано более сотни газет и других изданий. Все это способствовало сохранению и упрочению «русскости» прежде всего у молодежи, которой, по мысли «отцов» предстояло строить новую Россию.

Власти большинства стран делали многое для приема и размещения русских эмигрантов на своих территориях, но были и определенные ограничения, связанные прежде всего с получением постоянной работы и оплатой труда. Преференциями здесь пользовались представители коренного населения.

В основном эмигранты стремились закрепиться в столицах, где было легче найти работу. Именно поэтому в Белграде, Праге, Софии были созданы крупные русские колонии. Так, Белград в начале 1920-х гг. насчитывал 8-10 тысяч беженцев. Те слои эмигрантов, которые прочно осели в таких странах региона как Югославия, Болгария и Чехословакия, постепенно вращались в местную среду. Этому способствовали многие факторы. Перечислим основные:

В славянских странах этническая близость, глубокие исторические связи; нужда, прежде всего, молодых балканских государств в инженерах, архитекторах, ученых, профессорах, врачах и в других специалистах высокой квалификации, включая служителей Церкви, представителей мира искусства; возможность учиться подрастающему поколению в русских или смешанных учебных заведениях.

Гораздо сложнее шли процессы адаптации в Румынии и Венгрии, власти которых последовательно проводили работу по выдавливанию русского элемента за пределы своих государств. В Румынии на ситуацию влияла румынизация российского населения в Бесарабии, что определяло постоянную миграцию русского населения, в том числе и отток его на Запад. В Венгрии на белую эмиграцию проецировались традиционные русофобские комплексы венгерской политической элиты.

Следует также отметить особенность адаптации русских в Польше, связанные с образованием после Первой мировой войны Польского национального государства и вхождением в его состав территорий бывшей Российской империи.

Наряду с темами, в которых обрисованы различные стороны жизнедеятельности эмиграции, в том числе политической, в книге есть и страницы, посвященные одной или нескольким личностям, например, А.И. Деникину и вкладу русской культурной элиты в сохранение национального достояния.

Настоящий коллективный труд основан на множестве новых материалов. При всей мозаичности сюжетов в работе представлено обширное полотно жизни и деятельности Российского зарубежья.

В современных геополитических условиях, когда в движение пришли огромные массы населения, изучение исторического опыта российской эмиграции в странах восточноевропейского региона не теряет своей значимости и актуальности.

Редколлегия

Югославия

Русская эмиграция в Югославии

В. И. Косык

Россия изнемогала в огне гражданской войны. Во все четыре стороны света потянулись обозы, двинулись эшелоны, пошли пароходы с людьми, спасавшими свою честь и жизнь. Одной из стран, где они нашли свое временное пристанище, а потом и постоянное место проживания – свой второй дом, стало Королевство сербов, хорватов и словенцев. «Ананасы в шампанском» для одних и тяжелый, зачастую опасный для жизни труд (как, например, разминирование неразорвавшихся снарядов, оставшихся в земле со времен недавней войны) для других. Цвет интеллигенции, сравнительно легко находящей поле деятельности, и масса боевых офицеров в мирной стране. Молодые мечты и погасшие идеалы. Все это были контрасты той жизни, в которой некоторые обретали второе дыхание, другие утрачивали смысл бытия.

Русская Православная Церковь (РПЦЗ) в Югославии и ее ключевая роль в сохранении русской идентичности

В своей книге «Русская церковь в Югославии (20-40-е гг. XX века)» (М., 2000) я писал, что обустройство русского духовенства в Королевстве сербов, хорватов и словенцев проходило сравнительно легко. У священства выбора не было. У него оставалась одна задача – забота о духовном попечении над русским народом в рассеянии. Сразу отмечу, что Сербская Православная Церковь, испытывающая недостаток в пастырях, охотно принимала русских священников на свои приходы, особенно сельские. Здесь надо иметь в виду, что за время Первой мировой войны Сербская Православная Церковь потеряла больше тысячи священников, т. е. свыше одной трети от довоенного количества. Сама территория нового государственного образования – Королевства сербов, хорватов и словенцев – превышала размеры прежнего Сербского государства в несколько раз, что требовало резкого увеличения священнослужителей, например, для православной Македонии.

В сущности история русской православной Церкви в Югославии неотделима от самой «сербско-русской» жизни со всеми ее горестями и испытаниями славой. И в изгнании русский народ, русское священство заботились прежде всего о пище духовной. Делом первостепенной важности стала организация приходов, устройство храмов.

Они возникали в Белграде, Земуне, Панчеве, Загребе, Сараеве, Белой Церкви, Сремских Карловцах, Сомборе, Суботице, Великом Бечкерече, Осиеке, Црквенице¹. Но так было далеко не везде. В православном Цетинье в начале 1920-х гг. не было своего храма. Восемь десятков беженцев окормлял сербский священник Михаил Вуйсич, длительное время живший в России. Для эмигрантов он был настоящим «русским батюшкой»². В католической Любляне, в которой к 1925 г. русских было около 300 человек, также не было ни русской церкви, ни русского священника. Верующие могли посещать небольшой сербский храм с русским хором³. Другая ситуация сложилась в Нови-Саде, в котором было пять православных сербских храмов. Имевшие своего священника «беженцы облюбовали старейший, сохранившийся с 1730-х гг. уютный храм Св. Николая, но в феврале 1922 г. Сербская епархия во главе с епископом Иринеем уступила им часовню Св. Василия Великого на втором этаже Епископского дворца»⁴. Иная кар-

тина была в Битоли: весной 1926 г. руководство Битольской общины удовлетворило просьбу русских беженцев о выделении им двух барakov под церковь и библиотеку «за заслуги русского народа ко всем славянам»⁵. По неизвестным причинам был выделен только один барак, который в мае того же года после необходимых переделок был превращен в церковь, посвященную Св. Троице. 20 июня церковь была освящена⁶.

Первый русский православный приход в Белграде был открыт в 1920 г. протоиереем о. Петром Беловидовым, обладавшим великолепным организаторским даром. Он получил семинарское образование, много лет преподавал Закон Божий в одной из школ Новороссийска. Обосновавшись в Белграде, стал членом «Общества взаимопомощи», которое открыло столовую в бывшей казарме французских войск на ул. Короля Петра. Именно там и начали совершаться богослужения для беженцев. После пожара, уничтожившего столовую, службы были перенесены в здание 3-й сербской мужской гимназии, предоставившей свои помещения в 1920 г. только что созданной 1-й русско-сербской гимназии, ставшей временным центром церковно-религиозной жизни российского беженства. Но служить на новом месте было крайне неудобно, так как в те дни, когда гимназическая зала была занята, приходилось совершать службы в коридоре. К тому времени, как писал биограф митрополита Антония архиепископ Никон (Рклицкий), по инициативе известного славянофила А.В. Васильева было создано «Общество попечения о духовных нуждах православных русских в Королевстве сербов, хорватов и словенцев». Оно «считалось более правого направления», и о полной солидарности с о. Петром, полагавшим, что «общество» вторгается в его сферу и мешает ему, не могло быть и речи. Тем временем Васильев получил разрешение от Патриарха Димитрия перенести богослужения в покойнический барак на старом кладбище, находившемся в центре города вблизи церкви Св. Марка. Одновременно было получено благословение Патриарха Димитрия и Владыки Антония на сбор средств для постройки русского храма, месторасположение которого было еще не определено.

Сам Патриарх тем не менее не видел особой нужды в строительстве именно русской церкви, считая, что «братушки» могут молиться и в сербских церквях. Он не понимал, как писал один из современников, что «своя церковь русская нужна была потому, что сербский церковный быт и сербские службы – чужды русским привычкам. Сербь изредка служат всеобщие и сокращают церковные службы; кроме того, особенно дорого русским их чудное церковное пение»⁷.

Но думается, что причина строительства русской церкви не в «чудном пении» и т. и., а прежде всего в том, что русские люди, утратив родину, не хотели потерять свою русскую – именно русскую – церковь. Поэтому во всех странах русского рассеяния главной задачей была постройка русской церкви.

Сформированный к этому времени (1923) белградский причт во главе с о. Петром задумал возвести его именно на месте барака, т. е. в самом центре города. Был сделан соответствующий проект (архитектор В.В. Сташевский). Патриарх Димитрий, которому было доложено, что речь идет как бы о временном переустройстве, дал нужное разрешение. Началась стройка на глазах изумленного духовенства церкви Св. Марка. Сербскому Патриарху полетела жалоба, что русские его обманули и вместо реконструкции возводят свою церковь. Однако Патриарх не стал предпринимать каких-либо решительных мер, ограничившись упреком митрополиту Антонию, который, к слову сказать, был совершенно не осведомлен о плане о. Петра. Тем временем стройка шла ударными темпами. Председатель Совета Министров Никола Пашич отпустил из казны 40 тыс. динаров, два кирпичных завода поставили бесплатно свою продукцию. За 39 дней здание церкви, выстроенное в псковско-новгородском стиле, было закончено.

Насколько сербские церковные власти были недовольны появлением русского храма в центре столицы, отчетливо видно из истории с небольшим колоколом, пожертвованным Джур-

джиной Пашич, женой Н. Пашича. Лишь после долгих проволочек Патриарх Димитрий наложил положительную резолюцию на ее просьбе. 5 января 1924 г.

в письме на имя митрополита Антония он сообщал о своем согласии по поводу колокола и просил известить русскую церковную общину и о том, что «вместо этой капеллы будет выстроена новая русская церковь в Белграде на другом месте, что и предусмотрено уговором и нашим распоряжением, данным по соглашению с Вами»⁸. Но даже и тогда сербское священство храма Св. Марка продолжало оказывать сопротивление. Лишь после того как Н. Пашич прислал жандармов, колокол был подвешен без помех⁹. 28 декабря 1924 г. митрополит Антоний освятил церковь в честь св. Троицы.

В отростроенном храме была помещена чудотворная икона Курской Коренной Божией Матери. Этот образ был перемещен из монастыря Язак, где жил ее хранитель владыка Феофан, вывезший икону из России. Там же хранились вывезенные офицерами с Юга России знамена Российской армии, под которыми сражались под Полтавой, в Альпах, у Бородино, реявшие над турецкими крепостями и осенявшие Севастополь. (В ходе эвакуации в 1944 г. знамена были вывезены из страны. След их потерялся в Европе.)

В храме находится с 1929 г. гробница скончавшегося в 1928 г. в Брюсселе генерала Врангеля, о котором можно было услышать, что «в будущей национальной России он будет причтен к числу бесспорных национальных героев и имя его будет свято чтиться в потомстве»¹⁰.

С недавних времен была там помещена мемориальная доска с именами русских воинов, павших в 1992–1993 гг. в боях за Сербию: Богословский Константин, Ганиевский Василий, Котов Геннадий, Чекалин Димитрий, Нищенко Андрей, Шашинов Владимир, Попов Димитрий, Мелешко Сергей, Александров Александр, Гешатов Виктор. (Судя по воспоминаниям русского добровольца Олега Валецкого, две фамилии написаны неверно: Мелешко – Мережко, Шашинов – Сафонов¹¹.) Потом доска как-то исчезла. И сейчас мне неизвестно, появилась ли она на прежнем месте.

В Свято-Троицкой церкви служили Патриархи Димитрий и Варнава, туда приезжал – зачастую без предварительного оповещения, так сказать, запросто – король Александр, бывала королева Мария, там можно было увидеть и членов королевской семьи, сербских министров и иностранных дипломатов, не говоря уже об архиереях Русской Православной Церкви За Границей.

Каждый русский священник, приезжая в Белград из глухих сербских приходов, старался хоть раз, но послужить в Белградском храме – этом центре церковной жизни и русском уголке, оживлявшем воспоминания о далекой и близкой России.

Состав сестер, певших на клиросе, выполнявших различные работы в храме, был различен: здесь были и простолюдинки и дворянки – служба Богу уравнивала всех.

В храме трудились многие из тех, кто, приняв монашество, позднее заняли видное положение в церковной иерархии. Окормление многочисленного прихода шло довольно успешно. Только в 1930 г. одних литургий было совершено свыше 200, общее количество богослужений приближалось к 500. Кроме приюта для безработных при храме было открыто общежитие для студентов. Активно велась и просветительская работа¹².

Протоиерею Петру в отправлении служб помогал священник Владислав Неклюдов, которого особенно любили прихожане храма. Вторым священником был о. Иоанн Сокаль, выпускник Московской духовной академии, до своего назначения в Белград трудившийся преподавателем в Битольской духовной семинарии в Старой Сербии (нынешней Македонии). По воспоминаниям одного из современников, это был «дипломат английской выправки», отличавшийся склонностью к долгим и «мудреным» проповедям, которые зачастую были утомительны и трудны для понимания. После смерти в 1940 г. настоятеля Белградской русской церкви протоиерея Петра Беловидова он стал его преемником.

С историей и жизнью храма связана и судьба семьи Тарасьевых, представитель третьего поколения которой по сей день окормляет русскую паству.

Служители церкви крестили, исповедовали, отпевали. Церковь сопровождала человека в радостях и горестях «сей привременной жизни». И сейчас «...зимой или весной при оголенных кустах и отсутствии высокой травы русские могилы легко обнаруживаются на периферии почти всех православных кладбищ Югославии или католических и лютеранских – в северо-западной части страны. Распознаются они по восьмиконечным крестам (иногда лишь высеченным на плите), по кириллице едва разборчивых эпитафий или цитат из Священного Писания, по склоняющимся над ними березам... Могилы обычно сгруппированы и составляют целые русские участки. Большие участки сравнительно хорошей сохранности находятся на православном Новом кладбище в Белграде, кладбище Мирогой в Загребе, православных кладбищах Воеводины: в Панчеве, Белой Церкви, Нови-Саде, Зреняине, Суботице, Сомборе, Земуне, Сремских Карловцах. Однако многие участки уже разделяют общую судьбу старых кладбищ – запустение, осквернение или даже полное уничтожение (как в Скопле, Сараеве, Кикинде и др.)¹³.

Одно из самых больших – русское кладбище, вернее сказать участок, на Новом Белградском кладбище. «Все это место пронизано русской землей, русским горем и русскими слезами». В Иверской часовне в алтаре вместо мощей небольшая шкатулка с русской землей¹⁴.

Там же возвышается памятник Русской славы (архитектор Р.Н. Верховский, проект выполнен В.В. Сташевским, идея исходила от полковника М.Ф. Скородумова). Сам монумент выполнен в форме снаряда с фигурой Архангела Михаила на вершине. На памятнике высечены российский герб и несколько надписей. Одна из них – на русском языке – гласит: «Вечная память императору Николаю II и 2 000 000 русских воинов Великой войны». Другая – на сербском: «Храбро павшим братьям русским на Солунском фронте. 1914–1918». Тут же значатся имена жертвователей на постройку памятника, вождей Белого движения, названия воинских союзов и объединений, имена тех, за кого надо молиться. Под ступенями, ведущими к памятнику, устроена часовня-склеп, над входом в которую – еще одна надпись: «Спите, орлы боевые». Здесь захоронены останки павших на Салоникском фронте, а также офицеры и солдаты двух русских батарей, отдавшие свою жизнь при обороне Белграда. Там же покоится прах четырех русских военнопленных, расстрелянных австрийцами в Горажде за отказ участвовать в погрузке снарядов, двух моряков монитора «Тирасполь», погибших у Кладова, около сотни русских солдат, скончавшихся от ранений в госпиталях. В часовне – крест, сделанный из рельсов. На нем надпись: «Русские герои, жизнь свою положившие за свободу Сербии».

Наряду с храмом в Белграде в стране действовали и другие русские церкви.

В Земуне в 20-е гг. русские получили в свое распоряжение храм Михаила Архангела, где были священниками Фрол Жолткевич, Виталий Лепоринский, Михаил Котляревский¹⁵. В г. Белая Церковь, где нашло прибежище сравнительно большое количество русских эмигрантов, стараниями иеромонаха Иоанна (Шаховского) был отстроен в 1931 г. по проекту архитектора А.В. Шавцова храм во имя ев. Иоанна Богослова¹⁶. Всего в городе было три русских храма (прихода): приходской, сооруженный заботами о. Иоанна Шаховского, в кадетском корпусе и в Девичьем институте. В этом небольшом провинциальном городке открылась и скромная пастырская школа. Как писал о. Иоанн Шаховской: «Вакансии пастырские в сербских приходах тогда были открыты в значительном числе. Сербская Церковь охотно предоставляла пастырский труд русским священникам... Чтобы не заставлять пожилых людей проходить полного семинарского курса... и был устроен ускоренный выпуск кандидатов в пастыри»¹⁷ В Великом Бечкереке в 1920 г. первые богослужения начались в одном из помещений кофейни «Кригер», где был устроен передвижной алтарь. Вел их о. Владимир Востоков, который «во время революции и гонения религии был схвачен большевиками, возившими его в клетке. Вырвавшись от

них, отец Владимир предлагал вождям белого движения пойти на „нечисть“ крестным ходом». В 1922 г. он был переведен в Панчево, тогда же для церкви было отведено место получше – гимнастический зал школы. Преемником о. Владимира был назначен о. Владимир Мельников, бывший ранее разъездным священником и прослуживший до середины 1920-х гг. В 1929 г. под церковь переустроили бывшие казематы тюрьмы «Мункач». Алтарные иконы написал изограф А.И. Шелоумов, полиелей сделал С.И. Шереметинский. «Тайную вечерю» написал генерал А. Шестаков. Первое богослужение в храме, получившем имя в честь архистратига Михаила, прошло 7 декабря. И первым настоятелем этой церкви стал уже упоминавшийся о. Владимир Востоков, не покидавший паству до 1941 г. Потом был о. Владимир Ульянов, который через некоторое время стал священником в Русском охранном корпусе, в отряде, воевавшем в Боснии. На его месте стал служить о. А. Мирошниченко, последний русский поп в Великом Бечкереке. После резолюции Информбюро 1948 г. и фактического разрыва Москвы с Белградом, Сталина с Тито, был вместе со многими другими изгнан из Югославии¹⁸. По сведениям русского краеведа Б.Л. Павлова, сразу после освобождения города в 1944 г. храм посещали советские солдаты, шедшие через город на фронт: «.. церковь часто была полна до отказа. У многих на шее были ладанки, иконки, кресты». Многие знали службу и помогали священнику. Находились среди них и певчие. Но после ухода советских частей в храме не было уже такого количества верующих. Службу тогда вел о. Милош Попович, затем о. Нинчич. В 1973 г. распоряжением Сербской Патриархии русский храм под предлогом, что русских почти не осталось, был передан городскому женскому монастырю Св. Мелании¹⁹.

В Новом Бечее русские возобновили богослужения в переданной им сербами старинной (начало XVI в.) монастырской церкви Успения Божией Матери. В Земуне, пригороде Белграда, сербы предоставили русским небольшую церковь в городском парке. В Панчево церковь во главе с настоятелем о. Петром Голубятниковым при русской больнице обслуживала и русскую колонию. В Великой Кикинде служил священник Василий Шустин, впоследствии духовный писатель. В Сараеве образовалась церковная община под водительством о. А. Крыжко. Можно назвать и храм в г. Црквеница на Адриатике, сооруженный заботами вдовы императорского посланника Н.Г. Гартвига. Есть русская часовня-памятник, сооруженная русскими военнопленными в великую войну 1914–1917 гг. в горах Словении на высоте 1226 м над уровнем моря, в 6 км от ж/д станции Кральская гора, вблизи от шоссе, получившего название «Русская цеста». Часовня сооружена из дерева в русском стиле, покрыта гонтом и обшита древесной корой. Здесь русские военнопленные работали над постройкой стратегического шоссе. От частых снежных обвалов и тяжелых условий работы здесь нашли вечное упокоение свыше 4000 человек. А во время одного из весенних обвалов погибло сразу более 2000 русских солдат. На этом месте близи часовни воздвигнут восьмиконечный крест с Георгиевскими крестами по сторонам. Уцелевшие начали строить и построили часовню-памятник. Заботами проф. Билимовича, Спекторского и о-ва «Русская Матица» в Любляне подвели под часовню бетонное основание и обшили гонтом всю наружность кроме входа. В ограде трудами одной из югославских военных частей сооружен памятник-пирамида неизвестному русскому солдату. Ежегодно в июле русскими совершается в часовне торжественное богослужение. 3 декабря 1939 г., уже после начала Второй мировой войны, состоялось открытие памятника 54 русским воинам, умершим в Первую мировую войну в австрийском плену и похороненным на православном кладбище в Приедоре. Памятник был поставлен усердием «русских националистов», зарабатывавших тяжелый хлеб на шахте Любия, и русскими горожанами Приедора во главе с инженером Петром Зотовым²⁰. В Черногории в г. Никшиче есть православный собор, построенный на средства, отпущенные по распоряжению Николая II. В Сербии недалеко от г. Алексинца, на месте боев русских добровольцев ген. Черняева, в 1876 г. вдовой полковника Раевского, павшего здесь, сооружена на ее средства русская церковь²¹. Случалось и так, что сербский

священник был настоятелем русского храма, как это было в Нови-Саде, или русский епископ стоял во главе сербского монастыря Раковица. В Приштине трудился законоучителем выпускник Хабаровского и Донского кадетских корпусов (1928) Михаил Степанович Боровский (? – 10.06.1981, Чачак), переквалифицировавшийся в преподавателя русского языка после Второй мировой войны²².

Многие храмы строились русскими людьми и для единоверных братьев. Среди стран русского рассеяния талантом русских зодчих именно в Югославии возводилось наибольшее число православных церквей.

Широкую известность на югославянской земле получило русское хоровое искусство. Для его «неумирания» много сделал о. Петр Беловидов: уже в 1922 г. организованный им хор давал концерт в Панчеве из произведений Бортнянского, Архангельского, Гречанинова, Кастальского, Ломакина и др.²³. Но самым знаменитым стал русский хор Вознесенской церкви в Белграде под руководством А.В. Гринкова. С одинаковым успехом им исполнялись сочинения как русских, так и сербских композиторов. В программе были сочинения А.Т. Гречанинова, М.М. Ипполитова-Иванова, С. Мокраньца и песнопения многих других авторов, с которыми хор выступал в концертах духовной музыки²⁴ в различных городах. Так, 8 марта 1931 г. его можно было послушать по радио из Цетинье²⁵.

Стяжал заслуженную славу и хор Св. – Богородичной церкви в Земуне. Его руководитель Евгений Прохорович Маслов «говорил, что служба Божия это дивная симфония, где все должно гармонировать, и возгласы священнослужителя, и пение хора. Эта симфония подымает молитвенное настроение, молящийся своими мыслями уходит ввысь к Богу, и „всякое ныне житейское отложим попечение“ – претворяется в действительность...». По словам М. Родзянко, «его хор в Белграде был самый лучший, концерты, на которых он выступал, собирали громадное количество слушателей и пользовались большим успехом. В торжественные дни Масловский хор приглашался всегда Сербским Патриархом, который его очень ценил. Именно этот хор отпевал убитого в Марселе в 1934 г. короля Александра и провожал его в последний путь в храм-усыпальницу в Опленаце.

Можно вспомнить и хор в Нови-Саде, жители которого восхищались русским церковным пением. По свидетельству многих, число прихожан сербских храмов значительно возросло благодаря русским регентам и хористам». «Тако могу само Руси», – говорили прихожане. «Все довоенные годы регентом русского церковного хора был Василий Федорович Григорьев (1884–1970), войсковой старшина Кубанского войска, уроженец Екатеринодара... Русские духовные песнопения исполнялись и хором сербской Соборной церкви под управлением П.А. Фигуровского, входили они и в репертуар возникшего в 1922 г. Русского певческого общества Василия Григорьева и Козьмы Перегуды»²⁶. И еще одно подтверждение значимости хора. В Битоли русские с 1920-х гг. организовали мужской церковный хор, и многие горожане, редко ходившие в храм, не пропускали теперь богослужения в русской церкви. Церковный хор выступал на многих концертах и мероприятиях. Многие русские, особенно женщины, которые не могли быть все приняты в русский хор, свое свободное время посвящали пению в городских хорах²⁷. О большой любви русских к хоровому пению в Битоли сложилась пословица «Два македонца – партия, два русских – хор»²⁸.

Главным было сохранить церковь в душе человека, воспитать детей в православии, любви к родине своих предков, к славянству. Многое здесь зависело от школы, от ее преподавателей. И везде, вне зависимости от типа учебного заведения, шла работа под девизом – истинное просвещение соединяет умственное образование с нравственным.

Здесь можно вспомнить историю Первой русско-сербской гимназии, открывшейся в середине октября 1920 г. Уже название этого учебного заведения свидетельствовало о стрем-

лении ее отцов-основателей (с российской стороны это прежде всего – профессиональный педагог и славянский деятель Владимир Дмитриевич Плетнев, с сербской – Александр Белич, будущий президент Сербской академии наук и искусств) сделать все, чтобы гимназические выпускники, оставаясь русскими, сохранили «и понимание и знание и любовь к стране, которая в тяжелые годы проявила себя истинным, бескорыстным другом... эти воспитанники должны были быть залогом будущей тесной связи между двумя народами»²⁹.

Первым законоучителем в гимназии стал о. Петр Беловидов, принявший на себя и тяжелый труд руководства над седьмым – выпускным – классом, в котором училась и бывшая фронтовая молодежь, нуждавшаяся в особом попечении. В школе он преподавал с 1920 по 1931 г. и с 1936 по 1939 г. За о. Петром в гимназию пришли и другие священники – о. Владислав Неклюдов (учил Закону Божьему с 1927 по 1944 г.), потом о. Георгий Флоровский (с 1940 по 1944 г.).

В воспоминаниях об о. Владиславе есть такие строки: «Нас, детей, а затем подростков и юношей, покорила и обезоруживала его безобидность и истинно христианское смирение. Он был воплощением доброты; чем-то напоминал старца Зосиму. В прошлом он был кадровым военным, прошел Первую мировую войну, а затем гражданскую. В Белграде закончил Духовную Академию (богословский факультет Белградского университета. – В. К) и по призванию стал священником. Он любил молодежь, и мы к нему тянулись. Понимал и всегда находил нужное слово, чтобы поддержать в трудную минуту. Уроки, скорее собеседования, проходили оживленно и интересно. Много запало в наши души навсегда. Наши сомнения и возражения о. Владислав терпеливо и с неизменным доброжелательством выслушивал и рассеивал, приводя примеры из нашей же жизни и делясь своим богатым жизненным опытом. На исповедь мы шли с душевным трепетом, а уходили успокоенные и очищенные. Его слова были особенно убедительны, так как их он подтверждал всей своей жизнью»³⁰.

Навсегда запала в память тогдашней молодежи и личность о. Георгия Флоровского. «Летучий голландец» – так прозвали его гимназисты, постоянно видевшие его фигуру в греческой рясе с развевающимися при ходьбе рукавами, – был любим многими своими питомцами.

В своих воспоминаниях бывшие гимназисты и гимназистки очень тепло и с сердечной дрожью писали о своем учителе и духовнике. «...Отец Георгий Флоровский! Кто не помнит „Летучего Голландца“?! – Импозантная фигура, высокий, невероятно широкие рукава рясы, плюс еще увеличивающая его рост лиловая камилавка, большие роговые очки, а за ними добрые, умные голубые глаза. Умница, высококультурный, огромной эрудиции, не признававший учебников, он требовал отвечать по его объяснениям, так что приходилось записывать главные пункты заданного урока. Преподавал он интересно, мы его любили. Исповедовал он задушевно, осторожно, не допытываясь, располагая душу к покаянию. А на следующий день как хорошо и тихо на душе»³¹.

Вчитываясь в эти строки воспоминаний, можно подумать, какая идиллия – нет ни тревог, ни потрясений, ни интриг. Да, своим детям – в прямом и переносном смысле – духовенство стремилось передать все богатства слова и дела, накопленные христианством.

Широкое распространение получила и практика привлечения русских преподавателей в духовные учебные заведения. Опыт, знания, искусство русских богословов служили православной сербской и русской молодежи, решившей посвятить себя пастырству. В Карловацкой семинарии Св. Саввы преподавали о.о. Иоанн Сокаль, Тихон Троицкий, Борис Волобуев, Нил Софийский, Нил Малахов, Борис Селивановский; Н.Г. Дориомедов, В.Н. Халаев, Н.А. Акаемов, С.М. Муратов, Ф.Ф. Балабанов, а на богословском факультете в Белграде – проф. М.А. Георгиевский, А.П. Доброклонский, С.М. Кульбакин, Ф.И. Титов, С.В. Троицкий и др.³².

Из русских студентов богословского факультета – воспитанников сербской и русской профессуры – назову немногих тех, чьи имена мне удалось разыскать: И.И. Троянов, буду-

щий пастырь в Швейцарии, Л.Г. Иванов, впоследствии архиепископ Чикагско-Детройтский и Средне-Американский Серафим, И.А. Гарднер, автор книги «Богослужбное пение Русской Православной Церкви», В.М. Родзянко, впоследствии епископ Американской Автокефальной Православной Церкви Василий, Л.Ю. Бартошевич, будущий епископ Женевский Леонтий.

В Призренской духовной семинарии в разное время трудились на учительской ниве будущий митрополит Русской Православной Церкви Иоанн (Кухтин), профессор Круликовский, преподаватель церковного пения Степан Гушин.

В Битольской семинарии преподавали архимандриты Николай Карпов, Сергей Наумов, Владимир Тимофеев, протоиереи Иоанн Сокаль, Николай Шуба, иеромонахи Киприан Керн, Алексей Моргуль и др. Профессора семинарии нередко выступали с различными лекциями, посвященными России. 16 дек. 1931 г. прочел лекцию А.П. Моргуль «Москва – сердце России». 10 марта 1932 г. в новой аудитории, перед членами французско-югославского клуба прочел лекцию «Великие русские писатели XIX века». С лекциями выступали и другие профессора семинарии: 20 февраля 1932 г. Леонид Маслич перед семинаристами говорил о русской иконографии, потом в Народном университете Битоли выступал с лекцией «Толстой – художник, мыслитель и человек». Лекцию о князе и святителе прочел владыка Николай Велимирович³³. 15 марта 1938 г. в семинарии епископ Нестор прочел лекцию «Из жизни русских на Далеком Востоке». 9 сентября 1938 г. другой гость Дмитрий Николаевич Вергун из Праги прочел лекцию «Крещение Руси и славянская взаимность»³⁴.

Преподавал там и о. Иоанн (Максимович), о котором протоиерей Урош Максимович писал в статье «Святой наших дней»: «Его внешность не бросалась в глаза, но все-таки была немного особенная. Это был человек среднего роста, с густыми черными волосами, которые покрывали плечи. Лицо его было без единой морщины, с большими глазами, которые как бы выглядывали из волос. Бородой он еще не очень оброс. Нос его был прямой, а нижняя челюсть как бы втянута, что ему, отчасти, мешало при разговоре. Правая его нога была короче, и он носил удлинённый ботинок, который при ходьбе стучал... Часто он пользовался палкой. Таким он нам казался вначале, когда появился среди нас в школьном 1928 году.

Никто не мог подумать, какая полнота Св. Духа в нем... обитала... Охридский архиепископ Николай Велимирович часто заезжал в семинарию и разговаривал с преподавателями и учениками... Один раз при расставании обратился к небольшой группе учеников... с такими словами: „Дети, слушайте отца Иоанна, он – ангел Божий в человеческом облике“. Мы сами уверились, что это правильная его характеристика. Его жизнь была ангельской... Он питался только тем количеством пищи, сколько необходимо было для поддержания тела. Одежда его была скромная, а в постели он не нуждался. Комната его находилась в подвальном этаже, была с одним окном без занавески, выходящим вглубь двора. В комнате был обыкновенный стол со стулом и кровать, на которую он никогда не ложился. На столе всегда лежало св. Евангелие, а на полке стояли богослужбные книги. Это было все. Во всякое время ночи можно было видеть его за столом читающим Библию... Он желал привлечь учеников, чтобы больше всего обращали внимание на св. Евангелие, как источник всего богословского знания. Какие прекрасные объяснения он давал по предмету Пастырского богословия и истории Христианской церкви!.. Он был среди нас, как посланник Божий, которому определено работать на широкой ниве Его. Он честно совершил эту свою миссию в моем понимании»³⁵.

Мир нес в церковь жар неоконченных и нерешенных споров. Ревнителей православной веры и возрождения России в эмиграции было много, но еще больше – политиков и политика-нов. Надо сказать и то, что среди сербских владык были такие, которые считали, что русским незачем иметь в православной Сербии свою церковную организацию.

Здесь надо добавить, что интеллигенция, повернувшаяся к Церкви, но не имевшая церковной подготовки, «засоряла» приходскую жизнь своими дрязгами.

Сама Русская Церковь в Югославии нередко сталкивалась с привычками, которые, казалось бы, отнюдь не могли быть названы благочестивыми. Так, в 1932 г. было выпущено «Воззвание русской православной церковной общины в Белграде к русским людям, в рассеянии сущим», в котором указывалось на установившийся обычай устраивать «танцевальные вечера накануне воскресных и праздничных дней и даже во дни Великого поста». Ни с церковно-моральной, ни с русско-национальной позиции такие действия, подчеркивалось в «Воззвании», «...не могут быть оправданы никакими „гуманными целями“»³⁶.

В эмигрантской прессе звучали призывы к подвигу, к очищению: «Проходит время кликушески-истерических завываний, серьезная пора требует серьезной настроенности, собранности, трезвенности, *подготовки подвига*, цельности духа. Вновь открываются перед взором, затуманенным было чадом интеллигентщины, незыблемые святыни Православия, проходит время выкриков и неистовых дионисически-интеллигентских верчений, рассеивается болотный дух, болотный смрад эстетизированного интеллигентского хлыстовства... Мы поняли, что без религиозного основания, без основания Церкви нельзя строить и нельзя возродить народной жизни... Она выше всего, дороже всего, выше, конечно, и родного народа, она по ту сторону политики, выше страстей, выше житейской борьбы»³⁷, – так писал Николай Арсеньев в «Благовесте» за 1925 г.

Несмотря на жажду «подвига», чисто церковная жизнь была расслабленной: интеллигенция с гораздо большим рвением предавалась политическим страстям и умозрительным рассуждениям, нежели религиозной жизни.

В сущности, вся церковно-общественная жизнь русской эмиграции в Югославии в предвоенный период может быть охарактеризована преобладанием в ней политического начала над духовным.

Русское просвещение и печать

Эмиграция создала три праздника: День непримиримости (7 ноября), День русского просвещения (25 января) и День русской культуры (6 июня). Если с первой датой были споры, как я писал в книге «Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде в 1920-1950-е годы. Эссе» (М., 2007), тут можно было вспомнить для порядка и Февральскую революцию, «породившую» Октябрь, и различное отношение к русскому самодержавию и Советам, выступавшими, бывало, преемниками царской России по защите рубежей Отечества, то с просвещением и культурой каких-либо расхождений не наблюдалось. Более того – оба праздника объединяла идея служения народу, и здесь трудно провести какое-либо резкое разграничение этих феноменов, этих вечных спутников человечества. И в эмиграции суть культуры можно было обозначить через три великих слова: Бог, традиция и свободное творчество.

Начну с русского просвещения. За время революции и гражданской войны за пределы «красной» России были «выброшены» сотни профессоров и преподавателей вместе со своими учениками. В разных странах русского рассеяния оказались десятки тысяч семейств, озабоченных получением или продолжением образования для своих детей. Судьба молодежи волновала практически всю эмиграцию, видевшую в «детях» строителей нового Отечества.

В том же Королевстве русские просвещенцы делали все от них зависящее, чтобы вырастить молодежь образованную и любящую свою родину.

К середине 1925 г. в Королевстве действовало 17 школ с 2820 воспитанниками. Причем восемь школ, в которых училось 2240 детей, содержались полностью на государственный счет, остальные получали субсидии от югославских властей³⁸. Педагогический персонал насчитывал примерно 300 человек³⁹. В октябре 1923 г. русские школы были подчинены в педагогическом отношении (программы, персонал) министерству народного просвещения.

В наиболее благоприятном положении по многим критериям была первая русско-сербская гимназия в Белграде, открывшаяся в октябре 1920 г.

Перед учителями стояла сложная задача: не только дать знания, но и воспитать детей в православии, любви к родине своих предков, к славянству. Там стремились не допускать какого-либо разрыва между национальным воспитанием и воспитанием в православном духе. Уже название этого учебного заведения свидетельствовало о стремлении ее отцов-основателей сделать все, чтобы гимназические выпускники, оставаясь русскими, сохранили «и понимание и знание и любовь к стране, которая в тяжелые годы проявила себя истинным, бескорыстным другом... эти воспитанники должны были быть залогом будущей тесной связи между двумя народами»⁴⁰.

При этом «непреходящие ценности русского творчества» оставались «главным воспитательным материалом, под влиянием которого формировались души ее учащихся». И гимназия не отказывалась от знакомства своих питомцев «с творчеством тех русских людей, которые остались на родине и отражают в своих произведениях неумирающую душу родного русского народа»⁴¹.

В провинции было тяжелей и с помещениями и со средствами. Так, открытая 15 марта 1922 г. в Загребе школа для русских детей содержалась на средства Всероссийского союза городов и помещалась в здании 1-го реального училища. Занятия в ней шли с 2 до 6 часов вечера по программе гимназий и реальных училищ с 1 по 6 классы⁴². В Дубровнике, где было около 700 русских, к апрелю 1921 г. действовала школа для детей по программе четырехклассной гимназии. Средства на все это добывались через устройство благотворительных вечеров и концертов⁴³. 1 июля 1922 г. состоялся первый выпуск русских учителей, окончивших годичный курс Королевской учительской школы в Загребе. Они прошли «тяжелую школу»: «Занятия на чужом языке. Курс огромный, даже непосильный для одного учебного года. Все это одних выбило из колеи, а других превратило в „живые трупы“. Квартиры, углы и кровати безумно дороги. Пропитание тоже. Выдавались ссуды 300 динар, которых с трудом хватало на полмесяца... И вот из первоначальных 36 человек к экзаменам дотянули лишь 22 слушателя, а в экзаменационный период выбыло еще 11»⁴⁴.

Назову и действовавший в 1922–1942 гг. в Белой Церкви под начальством Н.В. Духониной (урожд. Вернер) Русский девичий институт. После объединения с Харьковским институтом в Новом Бечее и женской гимназией в Великой Кикинде Донской институт стал «единственным... в мире преемственно сохранившимся и хранящим традиции и славу 30 русских институтов, продолжателем их служения Родине»⁴⁵. Каждый класс института был посвящен крупному русскому городу – Москве, Киеву и др. Вся обстановка открытого в 1920 г. института, его атмосфера взывали о Родине: «на стенах картины русских художников, в библиотеках – русские классики, на лекциях, в кружках, во время рефератов – русские темы, русская речь, стихи русских поэтов, на концертах русская песня, отрывки русских опер... Сохранить, пронести, не утратить, не погасить пламени разумных евангельских дев – русских девушек – дело великое для будущего нашей страны»⁴⁶, – восклицал один из поколения «отцов», надеявшихся на «детей». А пока... работавший по программе мужских средних школ, он дал четверемстам девицам законченное среднее образование. Всего через институт прошло более тысячи русских девушек, большинство которых поступило в университеты Королевства. Добавлю, что выпускницы «выходили не только с практическими знаниями языков, но и с рядом прикладных знаний». В то же время институт «воспитывал прекрасных русских жен и матерей»⁴⁷. Во всех этих учебных заведениях девицы воспитывались на богатейшей культуре и истории России, в вере в ее скорое возрождение и великое будущее, а также в готовности служить Родине «всеми силами души и сердца подлинно русской женщины»⁴⁸.

Немалый вклад в дело просвещения молодежи Королевства внесли сотни русских учителей, преподававших в классических и реальных гимназиях, учительских, торговых и сельскохозяйственных школах. И здесь надо вспомнить и назвать имя государственного и политического деятеля, министра просвещения Светозара Прибичевича, который распахнул двери учебных заведений для русских педагогов. Именно с его ведома они получили возможность учить детей и сами учились сербскому языку. Подчеркну: русским было доверено самое драгоценное – дети, сербская молодежь. В то же время нельзя сказать, что русскому педагогу жилось легко: не хватало денег, плохо было с жильем, не было надежды на полноценный отдых, – спасала любимая работа, сознание ее важности. Тяжело было и «взрослым детям», многие из которых прошли войну, не имели родителей, способных поддержать деньгами своих студентов.

Вот привычная картинка студенческого быта из Загреба. В его университете, Высшей технической школе, Коммерческом институте, Политехническом институте, Педагогической школе к 1921 г. было около 400 русских студентов. «Часть их, – писали в «Новом времени», – помещается в деревянных бараках, теснясь, как сельди в бочке, и ночуя на полу и столах; часть ютится по трое-четверо в комнатах от „хозяев“, за что платят динар по 200 с человека... русские студенты платят за учение втрое дороже хорватских и лишены помощи тех учреждений, которые предоставлены хорватам (напр, дешевая столовая)»⁴⁹. Но тяга к учению была исключительная. К осени следующего года в хорватской столице было уже свыше пятисот студентов. Постоянная нехватка денег заставляла многих снимать жилье в десяти-двадцати километрах от Загреба. Те, кому повезло, жили в общежитии барачного типа с дырявой крышей. Все в конце месяца питались только хлебом, на остальное денег уже не было⁵⁰. И тем не менее молодежь училась, несмотря на отчаянное материальное положение, как это было у тех же двух с половиной десятков будущих музыкантов, певцов и певиц, поступивших в королевскую Загребскую консерваторию⁵¹. Не хватало даже исподнего. Да и откуда было ему взяться у тех, кого бегство лишило всего. Поэтому обычными были длиннейшие списки русской молодежи на получение белья, одежды, обуви от Английского общества Красного Креста, от Российского общества Красного Креста. Например, о белье просили свой родной Крест учащиеся консерватории: Альпьевская Елена, Балин Сергей, Барыбина Варвара, Бурлакова Галина, Дагестанская Тамара, Зда(и)новский Николай, Ингистова Рогнеда, Королькова Ольга, Корсунь Милица, Куколь-Яснопольская Татьяна, Лебедев Гавриил, Ломоносова Вера, Осипов Исаакий, Ошанин Николай, Попов Игорь, Радецкая Александра, Сапреновская Ида, Фурман Евгения, Королькова Елена, Лебедев Константин, Лебедева Елена⁵². В 1923 г. больше 200 студентов в загребских вузах просили одежду и белье⁵³. Но, повторяю, учеба продолжалась и молодежь жадно впитывала в себя знания из лекций загребской профессуры, среди которой были и русские. Остановлюсь только на медицине. Одним из известнейших медиков Загреба был С.Н. Салтыков, профессор университета, руководитель Патолого-анатомического института, автор многих трудов. Там преподавал и профессор М.Н. Лапинский, известный в медицинском мире Королевства. С медицинским факультетом связана и судьба младшего брата автора «Мастера и Маргариты» Н.А. Булгакова (1.09.1898, Киев – до 13 июня 1966, Париж), прототипа Николки в «Днях Турбиных». В 1916 г. он окончил Императорскую Александровскую гимназию. Потом был университет Св. Владимира, Алексеевское инженерное училище, Сергиевское артиллерийское училище и... война, участие в Белом движении. Потом эмиграция, учеба на медицинском факультете Загребского университета, по окончании которого был оставлен на кафедре бактериологии. Провел ряд исследований, которыми заинтересовался французский профессор Феликс д'Эрреля и пригласил его в свой институт в Париж, который позднее возглавит⁵⁴. Здесь же не могу не отметить и деятельность русского кружка, основанного в 1906 г. по идее братьев Эд. и Фр. Поточняк. В 1922 г. во главе его встали А. Кульженко и А. Лавров. В хорватском журнале «Obzor» можно было прочесть следующие строки: «В последние три года кружку удалось

вести в двух средних школах курсы русского языка, на которые были записаны 1100 человек; из них окончили курсы две трети. Кружок устраивал интимные вечеринки, которые посещались всеми русскими художественными силами, приезжавшими в Загреб. Кружок устроил ряд лекций, музыкальных вечеров, докладов с прениями и т. д., вечера Блока, Достоевского, современной русской лирики, Короленко, Чайковского, Глинки, Даргомыжского, Балакирева, Бородина, Кюи»⁵⁵.

Поэт, выпускник Донского кадетского корпуса М.Н. Залесский (04.06.1905, Симферополь – 22.03.1979, Сан-Франциско) учился на химическом отделении Загребского университета. В начале 1930-х гг. стал членом Национального союза нового поколения (впоследствии НТС). В 1942–1944 гг. вел нелегальную союзную работу в оккупированных немцами областях России. Был в Минске, Харькове, Киеве. После войны работал в Институте по изучению СССР в Баварии, а затем переехал в США, в Сан-Франциско. В 1978 г. издал книжку своих стихов – «Слава казачья». Писал политические статьи и рецензии на книги в местной газете «Русская жизнь». Незадолго до смерти Михаил Николаевич завещал все свои трудовые сбережения Фонду Свободной России. Ближко знавшие его люди говорили, что это про него сказано: «*Блажени чистиш сердцем, яко тиш Бога узрят*»⁵⁶. Потомок боярского рода Ф.Ф. Захарьин (02.06.1906, Киев – 13.06.1979, Нью-Йорк) после окончания в 1928 г. Русского кадетского корпуса в Сараеве записался (экзамены тогда не надо было сдавать) на юридический факультет Белградского университета, но вскоре перешел на геодезические курсы, которые успешно закончил. После непродолжительного пребывания в Земуне обосновался в Загребе, где служил в Геодезическом институте. После окончания войны и трехгодичного пребывания в лагерях для беженцев в Италии он в 1954 г. получил возможность уехать в Америку⁵⁷.

Выпускник Донского Императора Александра III кадетского корпуса, член Общества зарубежных кадетов в Югославии В.В. Гапонов (1912, Россия – 26.11.1995, Белая Церковь, Сербия) после завершения корпусной учебы поступил на агрономический факультет университета, по окончании которого успешно работал и занимался научной деятельностью. Последнее место работы – Косово. После выхода на пенсию переселился с женой и дочерью в Белую Церковь. Участвовал в создании югославского отделения Объединения кадетов российских кадетских корпусов, стал его членом, а потом казначеем. Принимал самое деятельное участие в поддержании благолепия русской церкви Св. Иоанна Богослова и русского участка на городском кладбище. В Белой Церкви, где в 1944 г. закончил свое существование последний зарубежный кадетский корпус, в 1986 г. при его участии был воздвигнут первый в мире памятник кадетам и персоналу кадетских корпусов, «*на поле брани живот свой положивших, в смуте убиенных и в мире скончавшихся*»⁵⁸. Памятник был спроектирован кадетами-крымцами инженером Карповым и Соболевским⁵⁹.

Переходя к цивилизованной Любляне со своим языком, традициями, историей, замечу, что к концу 1925 г. там жило около 300 человек, небогато, но и не в нужде. В университете к марту 1923 г. насчитывалось 167 студентов и студенток. Часть жила в замке, на горе, другая – 15 семейных и 10 холостых – в бараках, около вокзала. Как и везде, хронически недоедали: ели один раз в день в столовой земского союза. Некоторую помощь оказывал им словенский дамский комитет, а также королевский наместник⁶⁰. Из русских профессоров им читали лекции Ал. Д. Билимович, Н.М. Бубнов, В.А. Горский, А.К. Елачич, А. А. Копылов, А.Н. Митинский, И.Н. Майдель, А.В. Маклеров, В. В. Никитин, Н.Ф. Преображенский, Д.К. Фрост, М.Н. Ясинский.

О последнем скажу особо. 28 октября 1928 г. он праздновал с друзьями и коллегами 40 лет своей научно-преподавательской деятельности. Ученик и преемник знаменитого ученого М.Ф. Владимирского-Буданова, он окончил первую киевскую гимназию в 1883 г., а в 1887 г. – юридический факультет Киевского университета со степенью кандидата права. При-

чем факультет наградил его золотой медалью, а совет университета почетной денежной наградой

Н.П. Пирогова и оставил в альма-матер для подготовки к профессорскому званию. С 1889 по 1895 г. вел законоведение и историю в Киевском кадетском корпусе. В 1891 г. выдержал экзамен на магистра и по защите диссертации «Главный литовский трибунал» был назначен доцентом на родной факультет, а в 1904 г. стал ординарным профессором. В Любляне работал на кафедре истории права южных и западных славян. Вышел в отставку 2 мая 1928 г. (65 лет), однако университет пригласил его продолжить чтение лекций по своей кафедре. В Королевстве напечатал такие труды, как «Что является самым необходимым для образцовой истории словенского права» (1921, на словенском); тексты Каставского и Веприначского статутов (1923, на хорватском); труд, как был составлен Каставский статут (на сербско-хорватском, 1924); о переходе от обычного права к письменному уставу (1925); о законах города Вепринца (1926)⁶¹.

В мусульманском Сараеве директором научного института по борьбе с малярийными комарами был русский биолог Скворцов⁶².

Вклад русских профессоров в просвещение был замечен и в Скопле (совр. Скопье), где на философском факультете (филиале Белградского университета) преподавали: историк, филолог, литературный критик П.М. Бицилли – введение в общую историю и историю историографии, историю античного времени, феодализм в Европе, историю нового времени, историю Франции и др., он же издал на сербском языке в 1923 г. «Введение во всемирную историю»; будущий член Сербской Академии наук и искусств

С.М. Кульбакин – старославянский язык и введение в славянскую филологию, Н.Л. Окунев – курс по древней истории и истории христианства⁶³. К этим именам можно добавить имена профессоров Е.В. Аничкова, А.К. Елачича, В.А. Розова.

Просвещение – это не только школа, университет, но и общение. А здесь шло взаимное обогащение языка. Один забавный пример. Жители Битоли сохранили в своем языке такие часто употреблявшиеся выражения, как «хорошо», «здравствуйте», «пожалуйста», «дурак». Особенно излюбленным стало последнее слово. В свою очередь в языке русских появлялись македонские слова. Кто-то стремился овладеть в совершенстве и достигал успеха. Изучение в школах русского языка также способствовало его популяризации. Например, в семинарии он считался одним из самых важных предметов⁶⁴.

Для Королевства сербов, хорватов и словенцев эмиграция была, прежде всего, «профессорской». Еще живы те, кого учили русские специалисты, память о которых пока не умерла. Одной из самых известных, снискавших почет и уважение профессий следует считать инженерную. Именно русские этой профессии сделали чрезвычайно много для обустройства послевоенной страны, давшей им кров и возможность работать по своей специальности. Чтобы яснее представить себе картину «русской инженерной оккупации» министерств Белграда, скажу: в начале 1921 г. в министерстве строительства работали 90 русских инженеров, архитекторов, в министерстве путей сообщения – 65 русских инженеров: 25 – в сфере эксплуатации ж/д, 30 – на строительстве ж/д и 10 – на строительстве и эксплуатации водных путей. Русские работали в министерстве сельского хозяйства и водных ресурсов, министерстве торговли и промышленности, министерстве лесов и полезных ископаемых⁶⁵.

Конечно, если говоришь о «профессорской эмиграции», то надо говорить прежде всего об их деятельности в Белградском университете.

К маю 1921 г. там читали лекции 33 русских ученых. На техническом (инженерном) факультете – А. А. Брандт преподавал термодинамику, П. Буковский – начертательную геометрию, Н.А. Житкевич – гидротехнику, основы строительных конструкций и промышленных сооружений, П.Э. Зайончковский вел семинары по математике и упругости, А.И. Косицкий

читал лекции по газовым двигателям (автомобили, самолеты), Д.С. Красенский – по системам отопления и вентиляции, А.А. Лебедев – по легким двигателям внутреннего сгорания и автомобилям, Г.Н. Пио-Ульский – по термодинамике и паровым турбинам, Н.А. Пушкин – по электрометаллургии, П.Н. Рышков – по строительству железных дорог и мостов, К.Д. Серебряков преподавал черчение и детали машин, В.В. Фармаковский – конструирование машин, котлов и локомотивов, Я.М. Хлытчиев вел семинары по математике, статике, гидравлике, А.Д. Билимович преподавал математику и механику, В.Д. Ласкарев читал лекции по геологии. Позднее на техническом факультете работали В.Н. Щегловитов, читавший лекции по эксплуатации ж/д и строительству дорог, К.В. Марков – по технологии строительства, И.С. Свищев (Свищов) – по геодезии. На богословском факультете работали: М.А. Георгиевский преподавал староеврейский, А.П. Доброклонский – церковную историю, Ф. Титов – библейскую историю и библейскую археологию. На отделении архитектуры П.П. Фетисов читал лекции по архитектуре старого Востока. На сельскохозяйственном факультете преподавали: Ю.Н. Вагнер читал лекции по энтомологии, Н.И. Васильев – по агрохимии и с/х технологии, Т.В. Локоть – по частному земледелию и селекции, И.П. Марков – по анатомии и физиологии, зоотехнике, А.И. Стебут – по почвоведению и общему земледелию, А.Н. Челинцев – по с/х экономии, аграрной политике, с/х географии Югославии. На философском факультете читали лекции: Е.В. Аничков – по сравнительной литературе европейских народов, Г.Е. Афанасьев – по русской истории XIX в., политической и умственной эволюции Франции в XVIII в., В.В. Зеньковский преподавал экспериментальную психологию, А.Л. Погодин – русскую литературу и польскую историю. На юридическом факультете преподавали: К.М. Смирнов читал лекции по римскому праву, А.В. Соловьев – по истории славянского права, Е.В. Спекторский – по сравнительному конституционному праву, Ф.В. Тарановский – по истории славянского права, М.П. Чубинский – по уголовной политике⁶⁶

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.